

С. Н. Хомченко

**ФРАНЦУЗСКИЙ ПАМЯТНИК И ЮБИЛЕЙНЫЕ
ТОРЖЕСТВА НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ
7–8 СЕНТЯБРЯ 1912 г. В ВОСПОМИНАНИЯХ
ПОЛКОВНИКА В.-А. ФЛЁРИ**

25–26 августа (7–8 сентября) 1912 г. на Бородинском поле состоялись юбилейные торжества, посвященные столетней годовщине великого сражения. Среди многочисленных гостей здесь присутствовали и французские делегации, официальная и общественная. Последняя состояла из представителей соединенного комитета обществ по сохранению воинских мемориалов и памяти о погибших *Souvenir français* и по изучению военной истории *Sabretache*. В этой делегации находился и полковник виконт Вильям-Амабль-Эмиль-Адриен Флёр (1857–1925), кадровый военный, офицер ордена Почетного легиона, автор нескольких книг по военной истории Франции. Сразу по возвращении домой Флёр поспешил записать свои впечатления об этой поездке и поделиться ими с читателями военно-исторического альманаха *Sabretache*, издаваемого одноименным обществом. В конце того же года они вышли отдельной брошюрой. И хотя автор при описании пребывания на Бородинском поле допустил некоторые ошибки, вполне извиняемые скоротечностью визита и незнанием русского языка, эти воспоминания являются хорошим дополнением к уже имеющемуся материалу о празднованиях столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года и о подготовке к этому событию французской стороны. Приводим перевод фрагмента воспоминаний полковника Флёри по отдельному изданию: A. Dry (colonel Fleury). «*Les Monuments français du centenaire de 1812 et les cérémonies de Borodino et de Moscou, avec les discours prononcés à Schewardino le 8 septembre 1912*». (Paris; Nansy, 1912. P. 5–16). В приложении дается обзор освещения этих же событий одной из крупнейших французских газет парижской *Le Temps*.

А. Драй (полковник Флэри). Французские памятники столетию 1812 года и церемонии в Бородино и Москве...

Когда на одном из заседаний Комитета *Souvenir français* в прошлом году рассматривалась вероятность возведения памятников в России по случаю столетия кампании 1812, мы, конечно, не строили себе иллюзий по поводу сложности задачи.

Сбор достаточных средств в такой стране, как наша, являлся только небольшой частью всей проделанной работы, и не это было нашей проблемой. Прежде всего, чтобы добиться успеха, надо было быть понятным и поддержанным.

Наша цель не состояла в том, чтобы отметить на чужбине тактическую победу на Москве-реке. Эта победа стоила, увы, многих слез, и за нею вскоре последовали жестокие дни. Главным образом мы хотели почтить могилы наших героев, этих тысяч героев, которые почивают там почти везде, в Вильне, в Смоленске, на берегах Березины, на Бородинском поле или на кладбище в Москве.

Слава Богу, работа пошла полным ходом. Собранные средства, более 60 000 франков, позволили нам, как только Бородинский монумент будет завершен, думать о других памятниках, которые мы хотим возвести. В ближайшем будущем надеемся на поездку, которая пройдет по полям сражений 1812 года в доказательство доброй памяти, которую Франция смогла сохранить о командующих и солдатах своей *Великой Армии*.

В целом, несмотря на некоторую довольно неожиданную и малопримечательную отдельную оппозицию, мы были поддержаны с самого начала очень высокими персонами из разных стран мира, и я спешу сказать, что мы особо получали от Правительства и других официальных лиц наибольшую поддержку. Впрочем, мы придерживались того, чтобы политический характер не смог помешать нашему делу, и некоторые из наших подписчиков даже нашли, кажется, что слишком большой эклектизм руководит подготовкой нашего комитета. Это необходимый эклектизм, мы очень настаиваем. Шла речь о памятниках, которые надо возводить за границей. Но за границей вся мелочность повседневной политики должна исчезнуть. И в данном рассматриваемом случае все добрые французы, без различия убеждений, не должны ли были действовать с нами?

Souvenir français с первого дня обратилось к Sabretache, этому другому доблестному обществу, всегда готовому поддержать патриотические и бескорыстные инициативы. Наша идея была принята Sabretache с энтузиазмом, и именно в мастерской Эдуарда Детайля, великого выразительного

художника Эпопеи, мы впервые собрались прошлой зимой под председательством генерала Пуллё, президента *Souvenir français*¹.

* * *

О том, каковы были наши усилия за прошедший год, нет необходимости рассказывать здесь подробно: выбор и форма памятника, назначение художников, местоположение, покупка земли, деликатные переговоры в России, призывы к общественной щедрости, чеканка медали, – все эти вопросы были обговорены и решены на многочисленных заседаниях. Все, чего мы хотели добиться для успеха, это ожидание, что к 7 сентября наш памятник в Бородино мог бы гордо стоять рядом с русскими памятниками на поле битвы. Неизбежные задержки, которые произошли в июне, вызвали у нас впечатление, что время упущено. Таким образом, мы поручили местному комитету, который образовался в Москве², подготовить макет памятника и установить его на том самом месте, где через несколько месяцев будет стоять наша окончательная пирамида. Следовательно, именно у этого макета, впрочем очень точного и удачного, рядом с Шевардинским редутом, состоялась в прошлом месяце церемония открытия. Отправленный из Франции в конце августа наш блок прекрасного бургундского гранита, впрочем, не достиг своей цели. Он затонул в Северном море с датским пароходом, который его транспортировал!³

Я сказал выше, что мы получали поощрения от Правительства Республики. Наиболее ценным из этих поощрений было назначение (на наш запрос на имя председателя совета) военной миссии, во главе которой оказался г. генерал Лангле де Кари, командующий 8-м армейским корпусом, состоящей из полковника Маттона, военного атташе, командана Бюата, заместителя начальника Кабинета военного министра, и капитана Ренти, бывшего стажера в России. Это назначение заранее придавало церемонии открытия официальность. Оно доказывало императорскому Правительству, что наш памятник действительно является памятником от всех французов, а не только делом какого-то общества или комитета. Это был также с дипломатической точки зрения высокий подъем, который не разочаровал русских. Прославляя наших мертвых, как Россия прославляла своих, мы делали также благочестивый поступок, и этот двойной жест, естественный с обеих сторон, так как мужество было обоюдным, стал поводом для сближения и братства между представителями союзнических армий. Именно с очень искренним желанием избежать каких-либо недоразумений по приказу императора Николая императорское окружение приняло наиболее предупредительные меры и подготовило для французской делегации наиболее любезный и лестный прием⁴.

Позвольте мне добавить, с каким достоинством, с каким совершенным тактом в этих достаточно деликатных обстоятельствах г. генерал Лангле де Кари представлял Францию. Все те из нас, кто был в России в прошлом месяце, будут сохранять ему почтительную благодарность.

Расстояние и время в пути, надо сказать, немного пугали многих членов наших комитетов, и, если французская колония Москвы была очень широко представлена ее элитой, мы, напротив, были немногими французами из Франции! Г. генерал Пуллё, наш президент, к сожалению, не смог приехать в Россию, председательство нашей французской делегацией принял г. генерал де Торси, член Почетного комитета, личность которого уже была известна, так как он выполнял несколько официальных миссий в Петербурге и в Москве. Кроме того, генерал де Торси присутствовал на протяжении всей кампании 1877–1878; он носит медаль за Плевну и, следовательно, именно как старый боевой товарищ был очень тепло встречен большинством офицеров, вместе с ним участвовавшим в военном походе на Балканах. Делегация также включала: полковника виконта Флэри, вице-президента Парижского комитета, сына генерала Флэри, французского посла при Александре II; графа Ларибуазьера, сенатора, внука генерала Ларибуазьера; г. Терно-Компана, бывшего поверенного в делах в Петербурге и бывшего депутата, внука генерала Компана; барона де Бая, французского поверенного Комитета русского Музея 1812 года; герцога Ауэрштадтского, офицера запаса, внучатого племянника маршала Даву; г. А. Дepro, секретаря нашего комитета; капитана Марше, 18-го батальона егерей, стажера в русском полку. Барон Грандмезон, депутат Сомюр, внук маршала Мутона, граф Лобо, виконт Вог и г. Жак Флэри присутствовали также. Среди французов, приехавших в Бородино, можем еще отметить г. Ажалбера, ученого хранителя поместья Мальмезон, и корреспондентов Temps и l'Éclair⁵.

* * *

Рано в пятницу 6 сентября, приехав из Петербурга⁶ в одном из поездов особого назначения, предоставленным придворными властями, французская официальная миссия и делегация Комитета прибыли 7-го утром на вокзал Бородино. Всем выпала честь и удача считаться гостями Царя. Два полковника Генерального штаба, полковники Юзефович и Скалон, а также два капитана были приставлены к нам, и в течение этих дней наши русские товарищи все организовывали и облегчали при замечательном согласии. Вскоре после нашего прибыл императорский поезд, затем поезд великих князей и министров. Церемонии начались тотчас же.

Согласно протокольной программе, день 7 сентября / 25 августа включал главным образом религиозные мероприятия; день 8-го, напротив, должен был быть посвящен военным парадом и императорскому визиту на поле битвы. Но в России религиозная и военная идеи почти слиты. Два дня, проведенные Царем в Бородино, по крайней мере для нас, постоянно представляли почти сходный характер, с некоторыми нюансами. 7-го, как и 8-го, толпа, главным образом состоящая из пришедших издалека крестьян в живописных костюмах, спешила вдоль дороги, по которой последует императорский кортеж. Центром различных церемоний был большой холм, где в 1839 году на месте редутов Раевского возвели огромный монумент. Рядом находится знаменитый монастырь, основанный вдовой генерала Тучкова, одного из погибших в сражении, монастырь, высокие зеленые купола которого ясно вырисовываются на фоне неба. Так же близко расположен Инвалидный дом, другое благочестивое место. У самого подножия памятника была по этому случаю устроена часовня, которая прежде служила Александру I во время кампаний.

От станции⁷ (где припаркованы различные поезда) до большого русского монумента 3 или 4 км недавно отремонтированной дороги. И вдоль этой дороги, по обе стороны, памятники и могилы. Здесь памятник генерала Неверовского; там – одного полковника; дальше – различные памятники в честь погибших полков или батальонов. Короче, эта дорога меж могил напоминает священный путь в Риме, также создавая впечатление болезненное и горестное. Как только ступаешь на поле битвы, поражаешься величием драмы, разыгравшейся на этой холмистой равнине, которую золотит в этот день красивое осеннее солнце...

После остановки в Тучковском монастыре, император Николай, за которым следуют Императрица, великие княжны и великие князья, торжественно поднимается на курган к памятнику. Вокруг, в глубоких линиях, построены войска, не более шести или семи тысяч человек, в походной форме. Представлено, однако, большинство русских полков. Эти шесть или семь тысяч человек действительно не являются едиными подразделениями, но делегированы всеми корпусами, принимавшими участие в кампании. Представительность делегации меняется в зависимости от потерь в 1812 г. Один полк прислал только взвод, другой – целый батальон; 8-я дивизия, которая особо отличилась, почти целиком тут. Кроме того, для церемонии празднования столетия арсеналы империи выдали части полков старые знамена – те, что были в сражении, и присутствие этих свидетелей, славных лоскутов, пробитых пулями и обесцвеченных временем, стало великолепным и трагическим напоминанием...

Царь достаточно долго беседует с некоторыми должностными лицами, два из которых утверждают, что участвовали в сражении, затем он спускается в Инвалидный дом, где его ожидают министры и высокопоставленные чиновники Двора. Затем были представлены французские делегации. В сердечности приема, оказанного нам Его Величеством, чувствуется, что присутствие наших представителей было искренне желанным и ожидаемым. Для всех высказаны изящные и теплые слова.

Между тем от деревни Бородино (расположенной в 2 км севернее редутов Раевского) показывается длинный кортеж. Великая Смоленская Богородица, огромная и высокочтимая икона, которую несут сорок солдат, выдвигается на равнину, чтобы в свою очередь подняться к памятнику. Она сопровождается митрополитом Московским, более чем тридцатью епископами в торжественных одеяниях, многочисленным духовенством, несущим хоругви и иконы, горящие золотом. Это видение византийского Востока во всем своем очаровании. Богородица направляется к походной часовне Александра I, где перед государями и их свитой проходит большая церковная служба. Затем, постоянно в сопровождении роскошного кортежа, святое изображение представлено войскам и, как в 1812 году, принимает салют старых знамен. Позади епископов, священников и икон Царь, с непокрытой головой сопровождая Богородицу, ведет торжественную процессию, за ним следуют князья и служители Двора. Подойдя к знаменитой 8-й дивизии, собранной напротив могилы Багратиона, весь кортеж останавливается, и епископы широкими жестами благословляют солдат, в то время как в восхищенной толпе, которая приблизилась, звучат длинные и звонкие овации...

Таким был главный спектакль этого первого дня празднования 7 сентября / 25 августа⁸.

Следующий день, 8-го был для нас еще более волнующим. После церковной службы в монастыре (где поместили на ночь Богородицу Смоленскую), роскошная процессия, как и накануне, снова отправляется к 10 часам к большому русскому монументу. Следуют длинные благодарственные молитвы, чтение патриотического манифеста; затем Царь проводит смотр войск, построенных почти как накануне, и оказывает всем французским офицерам честь, пригласив их следовать за ним верхом, сразу за великими князьями. Построение полковых частей великолепно. Впрочем, некоторые отделения составляют специально выбранные люди, и их присутствие здесь считается настоящим вознаграждением. В то время как готовится парад, генерал де Лангле спешивается. Сопровождаемый генералом Торси и всеми нами, он медленно поднимается на холм к русскому монументу. Солдаты за нами несут венки, привезенные из Франции: от французской

армии русской армии, от Сената и Палаты депутатов, от нашего комитета, от Сен-Сира, от Политехнического института и т.д. Все взгляды, из императорского окружения, из полков и из огромной толпы, которая заполняет равнину, фиксируются на нашей маленькой французской группе, и эта сцена – сцена высокого и великодушного военного братства – весьма впечатляет всех помощников.

Затем начинается парад, замечательно проведенный. Царь отправляется верхом в деревню Бородино, где он приглашает нас, так же как всех офицеров и чиновников, в сады большого дома, принадлежащего короне и названного Императорским Дворцом, на обед, который подается для более чем восьмисот гостей.

Время между тем идет. Утренние церемонии были очень длинны. Теперь около 3 часов, и, согласно принятой программе, Царь должен проехать (на автомобиле) по основным местам огромного поля битвы, чтобы приветствовать многочисленные русские памятники. Кроме того, сообщают об императорском визите в конце дня к нашему французскому памятнику, и это благородное почтение, оказанное героям Великой Армии, должно стать венцом благочестивых церемоний в Бородино. Следовательно, именно к этому визиту мы должны приступить к фактическому открытию памятника.

Когда мы прибываем на выбранное место, недалеко от Шевардинского редута⁹, нас ожидает плотная толпа. Вся прекрасная французская колония там, с г. Жиро во главе. На холмике расположены многочисленные венки, привезенные из Франции хлопотами *Souvenir français*¹⁰. Русские венки также только что принесены; среди них выделяется присланный военным министром от имени союзнической армии. Вокруг пирамиды примерно пятнадцать бодрых молодых людей из колонии держат огромные трехцветные флаги французских и русских цветов: прелестное и живое оформление, очень удачно разработанное нашими друзьями в московском Комитете.

Одновременно с нами прибыли е.и.в. князь Александр Романовский, герцог Лейхтенбергский, г. Коковцов, председатель Совета министров, генерал Сухомлинов, военный министр, московский губернатор, многочисленные генералы, офицеры всех родов войск. Затем аббат Видаль, кюре церкви Святого Людовика Французского в Москве, торжественно дает отпущение грехов с помазанием и молится за мертвых. Все мы переживаем великую драму 1812 года. Сердца сжимаются, а некоторые глаза увлажняются...

Затем генерал Торси выдвигается на приготовленный помост и произносит прекрасную речь открытия. Г. Терно-Компан говорит в свою очередь от имени *Sabretache*, а полковник Флери от имени *Souvenir français*¹¹. Г. де Валикур, генеральный консул, говорит в заключение несколько слов.

Каждой из этих речей французы оказывают теплый прием. Полная общность между публикой и ораторами. И я должен добавить, что русские высокопоставленные персоны, которые нас окружают в этот незабываемый час, кажется, полностью одобряют волнующее оказание почтения нашим героям.

Как только речи закончены, нам сигнализируют о кортеже Царя в сопровождении великих князей. Уже около 6 часов. Немногочисленная служба охраны. Николай II спускается из своего автомобиля в 100 метрах от памятника и подходит к подножию пирамиды. В очень удачных выражениях, от имени всех нас, генерал Торси выражает ему нашу глубокую благодарность за этот поступок, произнеся следующие слова:

«Государь, пусть Ваше Величество позволит нам выразить благодарность от нас и нашего Комитета Столетия за редкую честь его августейшего визита к памятнику, возведенному мертвым Великой Армии.

Франция глубоко чувствует величину этого высокого свидетельства почтения и симпатии. Кроме того, она с радостью видит новое доказательство, что сын императора Александра III унаследовал доверие, оказанное ранее его известным отцом, к бывшим противникам, которые, как уже сказано, не были никогда врагами, и она счастлива присоединить свое имя к демонстрации благодарности и уважения, которыми ей нравится окружать память высокочтимого основателя союза России и Франции».

Тотчас же после этой краткой речи, с разрешения государя, аббат Видаль приступает к новому благословию памятника. Очень собранный и, кажется, очень тронутый, с непокрытой головой, Царь слушает латинские молитвы и печальное пение *Miserere*. «Ни шума на вековом поле битвы, кроме голосов французского священника и его помощников, стоящих на белом деревянном помосте, украшенном трехцветной тканью. И эта скромная служба под первыми звездами в блеске заходящего солнца, процессия золота и огня, это яркое и мерцающее представление, это самый трогательный, самый горестный контраст»¹².

Затем глава нашей делегации преподносит Царю большую золотую медаль, представляющую наш памятник¹³, затем Его Величество изволит подписать протокол открытия, подготовленный в роскошном альбоме хлопотами г. Терно-Компана, текст его гласит:

«8 сентября 1912, в правление Его Императорского Величества Николая II, императора всей России, г. Армана Фальера, действующего Президента Французской Республики, г. Раймон Пуанкаре, член Французской Академии, сенатор, председатель Совета и министр иностранных дел, г. Мильеран, депутат, военный министр, г. Жорж Луи, посол Французской

Республики в России, г. де Валикур, генеральный консул Франции в Москве, торжественно открыли памятный монумент, воздвигнутый в воспоминание о мертвых Великой Армии.

Настоящее написано, чтобы констатировать условия, в которых имело место это открытие, подписались...»

Ниже императорской подписи великие князья также помещают свои имена в протокольном порядке: Михаил Александрович (брат Царя), Кирилл, Борис, Дмитрий, Николай, Петр, Михаил, Георгий, Сергей, Иван, Гавриил, Константин. Наконец, на оборотной стороне этой исторической страницы, также подписываются французы. Во главе французов персона е.и.в. князя Александра Романовского, герцога Лейхтенбергского, как одного из президентов нашего Почетного комитета. Этот ценный альбом затем будет помещен в Музей Армии в Доме Инвалидов.

После того как все подписи поставлены, Николай II готовится оставить нас, чтобы закончить свой визит на поле битвы. Но когда он идет к своему автомобилю, московская колония, очень тронутая прекрасным жестом, который сделал государь по своей великой милости, старается его за это отблагодарить теплыми овациями. Возгласы «*Да здравствует Император!*» звучат долго. Признаю, что я предпочел бы услышать «*Да здравствует Царь!*». На этом поле битвы и перед нашим памятником французские возгласы «*Да здравствует Император!*» применительно к потомку Александра I немного дисгармоничны. И некоторые из нас вспомнили, что издавая тот же крик «*Да здравствует Император!*» в честь их великого Императора, столь храбро погибали герои, которых мы только что почтили...

Приложение

Упомянутая полковником Флэри парижская газета *Le Temps* («*Время*») в 1912 г. регулярно извещала своих читателей о ходе работ по установке французского памятника на Бородинском поле.

В номере от 5 мая было сообщено, что полковник Маттон, французский военный атташе в России, получил предварительное согласие на возведение памятника погибшим соотечественникам на поле битвы при Бородине, на месте, где располагалась французская артиллерия, а 5 июня – что правительство России уже официально разрешило французскому Военному министерству построить на поле боя монумент в память о французских солдатах, погибших в 1812 г.

24 мая было объявлено о создании соответствующего Комитета и проведении подписки по сбору средств, 6 июня сообщалось, что Почетный комитет возглавил князь Александр Романовский, герцог Лейхтенберг-

ский, являющийся правнуком одновременно пасынка Наполеона Евгения Богарне и императора Николая I.

25 августа газета сообщила о погрузке на железнодорожной станции Сен-Морис-ле-Шатонейф (департамент Сона и Луара) гранитного памятника в форме пирамиды общим весом 45 000 кг, изготовленного в каменоломне Сен-Фага в Бургундии. Так как российские железные дороги были не в состоянии перевезти такую массу целиком, блок был распилен на две части. Кроме того, на вершине пирамиды с надписью «Мертвым Великой армии. 7 сентября 1812» будет помещен бронзовый орел с размахом крыльев 3 м.

5 сентября появилось извещение о гибели у берегов Голландии перевозившего памятник по морю датского парохода «Курск» и об ошибочных слухах, что его автор, скульптор Поль Бесвильвальд, тоже находился там.

7–10 сентября *Le Temps* публиковала репортажи о памятных юбилейных торжествах в России. Сначала Санкт-Петербургский корреспондент сообщил о прибытии в российскую столицу официальной французской миссии и делегатов *Souvenir français* и *Sabretache* для открытия памятника и об отъезде ее в Москву. Французы, посещавшие различные церемонии и приемы, были очень довольны дружественным и лестным к себе отношением. Им было сказано, что с 6 по 12 сентября они будут считаться гостями императора.

Особо отмечалось, что еще до новости о потере утонувшего монумента была выполнена его деревянная копия, установленная на том же месте у Шевардинского редута. Именно у копии изначально планировалось провести памятную церемонию, также подтверждалось присутствие на ней русского царя Николая II. Установка оригинала памятника, таким образом, переносилась на следующий (1913) год.

Ряд заметок был посвящен непосредственно празднику на Бородинском поле. 7 сентября на Бородинское поле прибыла императорская семья. Присутствовали также 900 прямых потомков участников кампании 1812 г., 1 000 генералов, старших офицеров и дворян и 5 000 крестьян. Среди последних выделялись названные поименно восемь современников 1812 года, в том числе и Аким Винтонюк. Французская делегация возложила к памятнику погибшим русским венки, украшенные лентами цветов французского флага с надписями «Доблестному противнику».

В номере от 9 сентября была напечатана обширная статья, посвященная столетию Бородинской битвы, пика отмечаемых в России торжеств. Объявлялось значение этого события для русских, как с военной, так и религиозной точки зрения, при этом читателя отсылали к страницам романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Появлялось различие юлианского и григорианского календарей. Сообщались подробности прошедших накануне

торжеств, например присутствия на Бородинском поле императорской семьи, военного парада, крестного хода с иконой Смоленской Богородицы, посещения войсками могил героев войны – Багратиона и Неверовского, банкета в Бородинском дворце, церемоний открытия новых памятников, в том числе и «Мертвым Великой армии». Вновь было высказано сожаление в связи с потерей французского монолита и (вновь ошибочно!) гибелью его творца скульптора Бесвильвальда. Еще раз отмечались теплота приема французских делегаций, оказанная им честь постоянно находиться в ближайшем окружении государя, дружественность представителей братской русской армии, идея гармонии и мира, ныне объединяющая бывших противников на поле боя столетней давности.

Отдельный рассказ посвящен открытию французского памятника, помещены тексты речей генерала Торси, полковника Флэри и господина Терно-Компана. Завершают публикацию слова присутствовавшего на этой церемонии императора Николая II: «Вся Россия, вместе с императором, благодарит и чествует героев этой войны. Выражаю надежду, что память о них укрепит сердца потомков этих героев в их сознании и долге, что если бы Провидение возложило на родину новое испытание, они показали бы такие же самоотверженность и отвагу, как и их предки, в уверенности, что признательное потомство вспомнит и их имена и подвиги».

Важная подробность об утонувшем французском памятнике была опубликована в номере от 10 сентября. На пароходе «Курск» находился только гранитный блок. Бронзовый орел работы скульптора Жоффруа (Geoffroy), который должен был быть установлен на его вершине, все еще оставался в литейной мастерской и, таким образом, избежал печальной участи. Вероятнее всего, имелся в виду скульптор Адольф-Луи Жоффруа (Adolphe Louis Geoffroy) (1844–1915), сын известного французского скульптора и реставратора Адольфа-Виктора Жоффруа-Дешома (1816–1892).

Спустя год газета *Le Temps* вернулась к теме французского памятника на Бородинском поле. Заметка от 10 сентября 1913 г. настолько мала, что приведем ее полностью: «Возведенный под Москвой монумент в память о французских солдатах, погибших в Бородинском сражении, был открыт в присутствии консула Франции и представителей французской колонии».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь давайте напомним состав действующего Комитета:

Генерал Пуллё, президент; г. Эдуард Детайль из Института, маркиз Реверсо, бывший посол, и полковник виконт Флэри, вице-президенты; г. Ниссен, генеральный секретарь; г. Детро, секретарь; командан Бод, казначей. Члены: барон де Бай,

г. Бесвильвальд, архитектор памятника, граф Брукер, г. А. Брюн, полковник Шере, из 110-го пехотного, капитан Геба, г. Ж. Арман, бывший посол, князь Москворецкий, командан Эм. Мартин, г. Терно-Компан. Все эти члены относились к *Souvenir français* или *Sabretache*. Командан Верлин, кроме того, представлял военного министра.

В течение зимы был также образован Почетный комитет. Его состав на 7 сентября был следующим. Президенты: с.и.в. князь Александр Романовский, герцог Лейхтенбергский, г. Лубе, бывший Президент Республики, г. Рибо, из Французской Академии, сенатор. Члены: гг. генерал Апперт, герцог Ауэрштадтский, генерал Буадефр, генерал Брюжер, командан Сади Карно, герцог Эльхингенский, адмирал Фурни, г. Фурни Сарлове, адмирал Жерве, г. Аното, из Французской Академии, генерал Лакруа, граф Ларибуазьер, сенатор, генерал Лебон, г. Мессими, депутат, бывший министр, г. Мезьер, из Французской Академии, с.в. князь Мюрат, граф Налеш, граф Луи де Сегюр, адмирал Тушар, бывший посол, генерал Торси, герцог Виценский, князь Ваграмский, г. Галли, президент муниципального совета Парижа, г. де Валикур, генеральный консул в Москве.

С разрешения военного министра г. полковник Маттон, военный атташе в России, взял на себя задачу быть нашим общим делегатом и нельзя его не поблагодарить за очень эффективное содействие, которое он нам оказал.

² Этот Комитет, который любезно занимался всеми деталями с полной самоотверженностью, был образован из самых видных членов французской колонии Москвы – президент: г. П. Жиро; члены: гг. Бутри, Е. Бувье, А. Брокар, Л. Шартрон, Дюфурмантель, Ж. Ферро, К. Фрей, Гужон, Густель, Кёклин, Либерже, Мусси, А. Реботье.

³ Наши подписчики будут рады узнать, что этот гранитный блок был застрахован. Материальный ущерб, следовательно, почти равен нулю. Бронзовый орел, который должен украсить памятник, будет закончен только в будущем месяце. Планы памятника были подготовлены г. Бесвильвальдом, профессором изящных искусств.

⁴ Русские дипломаты в Париже, а именно г. генерал граф Ностиц, тогда военный атташе, значительно облегчили наши переговоры в России. Будет справедливо выразить им здесь всю нашу благодарность.

⁵ Многих из членов Комитета сопровождали члены их семей. Назовем мадам графиню Ларибуазьер, мадам и мадемуазель Терно-Компан, мадам баронессу и мадемуазель де Бай, мадам де Ренти.

⁶ Делегация прибыла 2-го. 4-го французский посол любезно принял их в посольстве на ужине, на котором присутствовал русский военный министр.

⁷ Станция называется Бородино, но она сильно удалена (приблизительно 5 км) от одноименной деревни, расположенной значительно севернее.

⁸ Сражение на Москве-реке было, как известно, 7 сентября, что соответствовало в 1812 г. русскому 26 августа. Но с 1900 г. 26 августа русского календаря соответствует нашему 8 сентября. Следовательно, именно 8 сентября годовщина сражения была отмечена официально, а не 7-го.

Любителей документов мы здесь информируем, что Illustration 14 и 21 сентября и газета Monde Illustré 21 сентября воспроизвели интересные фотографии церемоний в Бородине и Москве.

⁹ От Бородина до Шевардина расстояние около 5 км.

¹⁰ Вот, если не ошибаюсь, список приславших эти венки:

Военное министерство, Сенат, Палата депутатов, город Париж, особая военная Школа Сен-Сир (два венка), Политехнический институт (два венка), кавалерийская Школа Сомюр (два венка), административная Школа Винсен; пехотные полки: 2-й, 3-й, 4-й, 8-й, 9-й, 12-й, 16-й, 17-й, 18-й, 25-й, 29-й, 30-й, 33-й, 35-й, 36-й, 37-й, 44-й, 46-й, 48-й, 51-й, 55-й, 56-й, 57-й, 72-й, 82-й, 83-й, 84-й, 85-й, 90-й, 92-й, 93-й, 99-й, 105-й, 108-й, 110-й, 111-й, 113-й, 123-й, 125-й, 126-й, 127-й, 128-й, 129-й, 131-й; кавалерийские полки: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й и 9-й кирасирские; 7-й, 16-й, 17-й, 20-й, 23-й, 25-й, 28-й, 30-й драгунские; 1-й, 3-й, 4-й, 7-й, 8-й, 9-й, 11-й, 12-й, 13-й, 19-й, 20-й конно-егерские; 2-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й гусарские; артиллерийские полки: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 7-й, 8-й, 9-й, 24-й, 26-й, 31-й; 19-й эскадрон обоза; 3-й полк жандармерии.

¹¹ Ниже полный текст этих речей.

¹² Статья г. Ажальбера, газета от 21 сентября.

¹³ Серебряные и бронзовые медали были распределены русским чиновникам и офицерам, так же как и французам, которые нам помогли в нашей работе.

Наши друзья и подписчики могут получить эту красивую медаль, обратившись к Souvenir français, 229, пригород Сен-Оноре. Серебряная медаль, включая футляр, стоит 15 франков; бронзовая медаль – 4 франка. Эти медали продаются в пользу создания французских памятников 1812 г.